

Дерево Свободы

Английская

и шотландская

поздиз

И (Англ.) ср.
Д 36

Издание второе, дополненное.

Рисунки А. Сколозубова

Дерево Свободы.

Д 36 Стихи. Перевод Игн. Ивановского. Послесловие Н. Дьяконовой. Рис. А. Сколозубова. Л., «Дет. лит.», 1976.

160 с. с ил.

Антология английской и шотландской поэзии в переводах Игн. Ивановского, включающая народные баллады и вольнолюбивую лирику поэтов-романтиков начала XIX века.

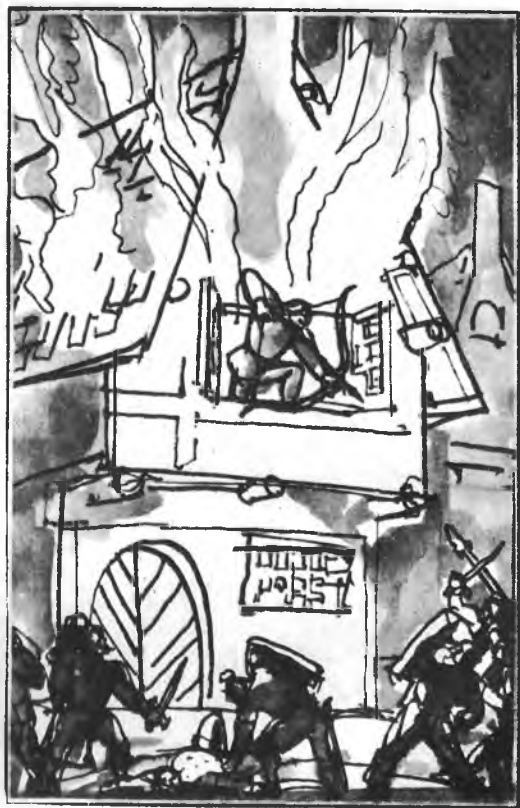
И (Англ.) ср.

Д $\frac{70803-123}{M 101(03)-76}$ 408—76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

Народные баллады

ТРИ ЛЕСНЫХ СТРЕЛКА

Убили оленя три молодца,
Вилли, Адам и Клим.
За это шериф тугую петлю
Готовил всем троим.

Они из тюрьмы бежали в лес,
Вилли, Клим и Адам.
Назвались братьями три стрелка
И стали мстить господам.

Но горько Вилли тосковал
По детям и жене.
О них он думал целые дни,
А ночью видел во сне.

Пробрался он в родной Карлейль.
Было совсем темно,
Когда постучал лесной стрелок
В знакомое окно.

Ему жена отворила дверь,
Впустила Вилли в дом
И не сводила с мужа глаз,
Пока он ел за столом.

Стрелки короля окружили дом,
На шум сбежался народ.

Услышал Вилли лязг мечей
И гул толпы у ворот.

Он первой стрелой попал в судью,
Судья ему был знаком.
И хоть кольчуга судью спасла,
Свалился судья мешком.

— А ну, соломы! — сказал шериф. —
Хорошего огонька!
Изжарится в доме Вилли-стрелок
И три его щенка. —

Дом запылал с четырех углов,
С улицы, со двора.
— Вилли, родной, — сказала жена, —
Прощаться, видно, пора.

Вилли вязал узлы, узлы,
Вязал простыню к простыне.
На простынях он спустил детей,
Помог спуститься жене.

— Не тронь, шериф, моих сыновей.
Жену не бросай в тюрьму.
За все, что сделал я один,
Мне отвечать одному. —

Пылала крыша, и сруб пылал,
Пылала у дома трава.
Такой был жар, что у Вилли в руках
Лопнула тетива.

Он прыгнул в самую гущу врагов
Из верхнего окна.
Не раз, не два он их разгонял,
Рубился, как сатана.

— Двери и окна, — велел шериф, —
Бросайте на него! —
Тут и окончился этот бой,
Триста — на одного.

Ему скрутили руки назад,
Его повалили в грязь.
— До завтра, Вилли, — сказал шериф, —
Тебя петля заждалась. —

Наутро чуть свет проснулся судья
В доме своем над рекой.
Поехал виселицу смотреть
На площади городской.

Вертелся на площади мальчуган,
Ко всем приставал подряд,
Пока не ответили ему,
Кого сегодня казнят.

Тот мальчуган стерег свиней,
Он был городской свинопас.
Встречался Вилли ему в лесу,
Кормил его не раз.

Все разузнал про казнь мальчуган,
А после был таков.
Он в тот же час в глухом лесу
Нашел отважных стрелков.

Они бежали к стене городской,
Мечи плащами прикрыв,
Но видно было издалека,
Что запер ворота шериф.

Сказал Адам: — Вот чье-то письмо,
С печатями, к тому ж,
А всем известно: привратник наш
Не больно ученый муж. —

В ворота ногой ударил Адам,
Еще и еще разок.
Привратник к воротам заковылял
И поглядел в глазок.

— Нельзя, нельзя, — привратник сказал. —
Ступайте прочь от ворот.
Пока не повесим Вилли-стрелка.
Мы не откроем вход.

— Открой, собака, гонцам короля!
Видишь его печать? —
Загромыхал привратник замком,
Больше не смел ворчать.

Он отпер ворота — и мертвым упал,
Наткнувшись на мечи.
Адам оттащил его к стене
И взял его ключи.

Стояла виселица с петлей
У рыночных ворот,
А рядом с ней красовался судья
И весь судейский сброд.

И тут же в тележке Вилли лежал,
Связанный по рукам,
Его собрался повесить шериф
На страх лесным стрелкам.

Велел могильщику судья
Снять мерку с молодца,
Чтоб знать, какую могилу копать
После его конца.

— Знаешь, судья, — Вилли сказал, —
Что говорит народ?
Кто роет яму лесному стрелку.
Сам в нее попадет. —

Подняли луки Адам и Клим,
Пустили по стреле,
И через миг судья и шериф
Валялись на земле.

Веревки у пленника на руках
Разрезал Клим мечом.
Теснили врагов три брата лесных,
Рубясь к плечу плечом.

Хорошие луки были у них,
С шелковой тетивой.
Из тех, кто у виселицы стоял,
Никто не ушел живой.

Очистили площадь от врагов
Лесные силачи,
И вслед шерифовым стрелкам
Адам швырнул ключи.

— Берите обратно ваши ключи!
Тут хватит на всех по ключу.
Я вдоволь привратником послужил
И больше служить не хочу. —

Вилли в сырой тюрьме отыскал
Трех сыновей и жену.
На вольный воздух вывел он
Всех, кто томился в плену.

А названным братьям он сказал:
— Я жизнью обязан вам,
И если вы попадете в беду,
Я этот долг отдам. —

Они вернулись в дремучий лес
И жаркий костер развели.
Так Вилли чуть не повис в петле,
А братья его спасли.

КЭТРИН ДЖОНСТОН

Юная Кэтрин, Джонстона дочь,
Жила у самых гор.
Там каждый парень был не прочь
Затеять с ней разговор.

Но вот приехал Леминтон
С шотландской стороны,
И с первого взгляда понял он,
Что лучше не сыщет жены.

Он не спросил ни мать, ни отца,
Он не спросил родни.
Добился он тайного словца,
Когда они были одни.

Потом приехал Фоганвуд
С английской стороны
И увидал, что лишний труд —
Искать другой жены.

Спросил он мать, спросил отца,
Спросил, что скажет родня,
Но тайного не добился словца
До самого брачного дня.

Не стала Кэтрин свадьбы ждать,
Послала слугу чуть свет,

И Леминтон велел передать,
Что скоро будет ответ.

Он в тот же час послал гонцов
В долины между гор,
И двадцать отчаянных молодых
К нему собрались во двор.

В окно поглядывал жених,
И был он удивлен,
Что скачут двадцать верховых
И первым — Леминтон.

Невеста сидела среди гостей,
Смеясь, сказала она,
Что, верно, призраков или фей
Увидел жених из окна.

Богатое было торжество,
Каждый пил, сколько мог.
Но вот Леминтон и люди его
Ступили на порог.

— Зачем ты выбрал этот час?
Должно быть, задумал мечь?
А может, ты поздравить нас
И выпьешь в нашу честь?

— Принес я счастье, не беду,
Но пир не для меня.
С невестой в танце я пройду
И сяду на коня. —

Невесте налили, от греха,
Заздравную чашу вина,
Но в честь Леминтона, не жениха,
Ее осушила она.

Недолго гость ее в танце водил.
Он Кэтрин провел через зал,
А там на коня ее усадил
И вихрем ускакал.

Две дюжины лихих парней
Отбить невесту спешат.
Они готовы скакать за ней
Хотя бы в самый ад.

Где Кауден льется меж лугов,
Где над горой гора,
Запели голоса рогов,
Что хороша игра.

Там меч обагрился коовью врага,
Не одна отлетела душа,
И снова пели и пели рога
О том, что игра хороша.

— Ты спасена, моя любовь,
Ты не вернешься в плен,
И не напрасно горячая кровь
Лилась из наших вен!

Равниной Англии сыны,
Забудьте о женщинах гор.
В Шотландии вы не найдете жены,
А найдете вечный позор.

Вам не поверит горный клан,
Хоть кланяйтесь вперегиб.
Шотландцы рады кормить англичан
Лягушками вместо рыб.

ПРОДАННЫЙ ПАРЕНЬ

Парень сеял и пахал,
Всю весну не отдыхал.
Целый день, бывало, пашет и поет:
— Любит милая меня,
Да мешает нам родня,
И теперь мне хоть в могилу, хоть во флот!

Богачи, боясь за дочь,
Отослали парня прочь:
Подпойли да и продали во флот,
Чтобы стал он моряком,
Услыхал он пушек гром, —
Он под пушками скорее пропадет.

Ну, а девушка его
Не сказала ничего,
Но в уме решила все наоборот.
Раздобыв наряд мужской,
В порт отправилась морской
Вслед за парнем, тайно проданным во флот.

И с надеждою в груди
Сквозь туманы и дожди
Днем и ночью шла и шла она вперед,
Повторяя на ходу:
— Все равно его найду,
Хоть любимого и продали во флот!

Капитан, седой моряк,
Ей, смеясь, ответил так:
— Что я вижу! Вы — девица, добрый сэр!
Будьте счастливы вдвоем,
Мы матросов продаем.
Нам довольно сотни фунтов, например.

Тут монеты, как река,
Потекли из кошелька,
Им на палубе устроен пересчет.
Вот и все дела с концом.
Молодые — под венцом,
А матросов и поныне ищет флот.

МОЛОДОЙ УОТЕРС

Скакал на бешеном коне
Уотерс молодой.
Он королеву покорил
Отважною ездой.

Ему вдогонку посмотрел
Старейший из вельмож,
И королеве он сказал:
— Не правда ли, хорош?

— Да, есть красавцы на земле,
Носящие доспех,
Но как они ни хороши,
Уотерс лучше всех. —

Мрачнее тучи стал король
И грозового дня:
— Итак, Уотерс лучше всех,
А значит, и меня? —

В цепях Уотерса везли,
Не дай бог никому.
В цепях Уотерса везли
По городу в тюрьму.

— Не раз по улицам родным
Я ехал на коне,

Но ехать с цепью на руках
Не приходилось мне.

Не раз по улицам родным
Я ехал в дождь и град,
Но не боялся я тогда,
Что не вернусь назад. —

Стоял Уотерс молодой
У плахи не один:
Качалась рядом колыбель,
Чтоб казнь увидел сын.

И горько плакала жена
Под похоронный звон,
И по приказу короля
Уотерс был казнен.

МЕЙ КОЛВИН

Сэр Джон разорился дотла, дотла,
Ждет нищета молодца.
А Мей наследницей была
Богатого отца.

Сэр Джон учтив и пышно одет,
Красавец хоть куда.
Мей Колвин в зале сказала «нет»,
А в башне сказала «да».

— Ты золото отца возьми,
Бежим, бежим со мной,
И перед богом и людьми
Ты будешь мне женой. —

На белом коне умчалась она,
На сером в яблоках — он.
У моря, где бьет о скалу волна,
Сошел с коня сэр Джон.

— Ты видишь, кипят морские валы?
Они — твое брачное ложе.
Семь девушек сбросил я со скалы,
Восьмая погибнет тоже.

Снимай богатый свой наряд,
Клади его на камни.

Твои шелка, как жар, горят,
Любовь твоя не нужна мне.

— Ах, отвернись и молча стой,
Смотри на листок зеленый.
Не должен видеть глаз мужской
Женщины обнаженной. —

Сэр Джон посмотрел на зеленый листок,
На темные стволы,
А Мей обхватила его поперек
И сбросила со скалы.

— Спаси меня! Я жить хочу!
Не дай мне утонуть!
Я мигом домой тебя домчу,
Коротким будет путь!

— Тони, сэр Джон, в морской волне,
Руки я тебе не дам.
Холодное ложе готовил ты мне,
На нем погрейся сам! —

На белом коне вернулась она,
А серый скакал в поводу.
Ее отец во власти сна
Еще не чуял беду.

Но вот ручной попугай из угла
Хрипло заговорил:
— Хозяйка Мей, ты где была?
И кто с тобою был?

— Молчи, попугай, усни до утра,
Молчи, я тебя молю.
Из чистого золота и серебра
Клетку тебе куплю. —

Тут в полусне отец спросил,
Не открывая глаз:
— Кто попугая разбудил
В ночной недобрый час?

— Гуляет кот у клетки моей,
Крадется, словно вор.
И я попросил хозяйку Мей
Прогнать его на двор.

ВОДЫ КЛАЙДА

— Скорее, мать, спустись во двор
И покорми коня.
Я к милой Маргарет должен успеть
Еще до заката дня.

— Останься, Джонни, мой сынок,
Все небо гроза облегла.
Пока до замка доскачешь ты,
Дорогу скроет мгла.

— Пусть эта ночь темна, темна,
Я поскачу сквозь тьму.
Еще и полночь не пробьет,
Я Маргарет обниму.

— Скачи, мой сын, к любимой своей,
Спеши обнять ее,
Но в водах Клайда тебя найдет
Проклятие мое. —

У берега Клайда конь захрапел,
Сдержал свой резвый бег.
Могли бы воды бурной реки
Умчатъ пятьсот человек.

— Ты крепко разгневался, старый Клайд,
Ты все отрезал пути.

Возьми мою жизнь по дороге назад,
Только сейчас пропусти! —

Его швыряло и вверх, и вниз,
Вперед, и назад, и вбок.
Схватился он за прибрежный куст
И выбрался на песок.

Он к замку Маргарет прискакал,
Спрыгнул с коня у ворот.
Но было темно ее окно
И в башню заперт вход.

— О Маргарет, двери мне открой,
Впусти скорее в дом.
Я в бурном Клайде вымок насквозь,
Стою на ветру под дождем.

Но глухо слышится ответ:
— Напрасно ты будешь ждать.
Нельзя мне двери отворить,
Не то проснется мать.

— О Маргарет, Маргарет, ночь на дворе,
Угрюмая пора.
Позволь мне хоть в амбаре твоём
Остаться до утра.

— Нельзя мне пустить тебя в амбар,
Он доверху полон зерна.
А дом мой полон спящих гостей,
И башня гостей полна.

— Прощай, о Маргарет, прощай,
Я знал, что близок мой срок,
Хотя, клянусь, такой беды
Придумать я не мог. —

У берега Клайда конь захрапел,
Сдержал усталый бег.
Могли бы бурные воды умчать
Тысячу человек.

По шею в воду конь вошел,
Дрожа как осиновый лист,
И тут у Джонни прямо из рук
Вода умчала хлыст.

Он потянулся за хлыстом,
Нагнулся он с седла,
И Клайда быстрая вода
С собой его унесла.

Его швыряло и вверх, и вниз,
Вперед, и назад, и вбок.
Он долго искал прибрежный куст,
Чтоб выбраться на песок.

Он долго плыл — и пошел на дно,
Под берег крутой унесен...
Увидела Маргарет в этот час
Тревожный странный сон.

— Скажи мне, мать, что значит мой сон,
Приснился он отчего?
Мне снилось, что Джонни стоял у ворот
И мы не впустили его.

— Спи, Маргарет, спи спокойным сном,
Еще глубокая ночь.
Я Джонни ответила за тебя,
Чтоб он убирался прочь.

Бежала Маргарет к реке,
Бежала что есть сил.
Чем жалобней Джонни она звала,
Тем яростней ветер выл.

Она ступила в холодный поток,
Волна поднялась до колен.
— Отдай мне Джонни, старый Клайд!
Бери меня взамен!

Она ступила в холодный поток,
По грудь поднялась волна.
На дне, под берегом крутым,
Его нашла она.

— Пусть наши матери нашу любовь
Преследуют жестоко,
Но рядом, Джонни, мы будем спать
На самом дне потока.

ТОМ ЛИН

Все утро в башне у окна
Прилежно Дженет шила,
И только к вечеру она
В дубраву поспешила.

Там вереск рос, там горьких слез
Никто бы не услышал.
Но вдруг из чащи диких роз
Том Лин навстречу вышел.

— Где был ты столько лет подряд?
Где пропадал ты, милый?
Все говорят, ты ездил в ад,
Дружил с нечистой силой.

— Волшебным ветром наяву
Дохнуло на меня,
И, околдованный, в траву
Свалился я с коня
И в королевстве фей живу
С того лихого дня.

Сегодня ночью торжество —
Меня сегодня женят.
Сегодня друга своего
Спасти ты можешь, Дженет.

Ты многих рыцарей верхом
Увидишь при луне.
Проедут — кто на вороном,
Кто на гнедом коне,
А позади твой верный Том
На белом скакуне.

Смелей беги наперерез,
Мы снова вместе будем.
Завоет, загрохочет лес:
«Том Лин уходит к людям!»

Меня оборотят они
Холодным черным змеем.
Ты крепко друга обними,
Не покоряйся феям.

Меня оборотят они
Самцом-оленем диким.
Ты крепко друга обними,
Себя не выдай криком.

Меня оборотят они
Железом раскаленным.
Ты крепко друга обними,
Себя не выдай стоном! —

Вот едут рыцари верхом,
Рядами при луне.

Последним грустно едет Том
На белом скакуне.

Она бежит наперерез.
Но каждый шаг ей труден.
Кругом грохочет, воеет лес:
— Том Лин уходит к людям! —

Его оборотила мгла
Холодным черным змеем,
Но Дженет друга обняла,
Не покорилась феям.

Его оборотила мгла
Самцом-оленем диким,
Но Дженет друга обняла,
Себя не выдав криком.

Его оборотила мгла
Железом раскаленным,
Но Дженет друга обняла,
Себя не выдав стоном.

Тут голос королевы фей
Сказал грознее грома:
— Клянусь, во всей стране моей
Нет парня лучше Тома.

Но коль девчонку в эту ночь
Не победили феи,
Пускай уводит парня прочь.
Ее любовь сильнее!

ЭЛИСОН ГРОС

На Элисон Грос посмотреть-то страшно.
Лютая ведьма — Элисон Грос.
Она меня заманила в башню,
А может, нечистый меня занес.

Пурпурный плащ, как пламя, яркий
Она показывала, дразня:
— Уж я не поскуплюсь на подарки,
А ты, красавчик, люби меня.

— Прочь, ведьма! Убирайся прочь!
Других на удочку лови!
Ни через год, ни в эту ночь
Не купишь ты моей любви!

Она принесла золотую чашу,
Сияла чаша при свете дня.
— Твой дом я золотом украшу,
А ты, красавчик, люби меня.

— Прочь, ведьма! Убирайся прочь!
Других на удочку лови!
Ни через год, ни в эту ночь
Не купишь ты моей любви!

Трижды она повернулась кругом
И протрубила в зеленый рог.

Клялась луной, что покончит со мной
Прежде, чем выйду я за порог.

Она бормотала лихие слова,
Она кружилась быстрее, быстрее,
И вот помутилась моя голова,
Я к ведьме шагнул — и упал перед ней.

И сделался я безобразным червем.
По ветке дубовой ползаю я.
Меня навестить в лесу глухом
Приходит Мейзри, сестра моя.

Она меня чешет серебряным гребнем
И проливает потоки слез,
Но лучше карабкаться по деревьям,
Чем целоваться с Элисон Грос.

Прочь ведьма! Убирайся прочь!
Других на удочку лови.
Ни через год, ни в эту ночь
Не купишь ты моей любви!

СТАРЫЙ ПЛАЩ

Зима ступила на порог.
С ней горя досыта хлебнешь.
Борей свирепо дует в рог,
И наших коз колотит дрожь.
Белл, жена, со мной дружна,
Но мне бормочет невзначай:
— Пойдешь к корове, старина,
Хороший плащ не надевай. —

Он: Белл, жена, встает луна,
А при луне мороз жесток.
Мой плащ как будто из рядна,
В нем околеет и сверчок.
Хоть небогаты мы с тобой,
Неужто нет у нас тряпья?
Что за беда, коли зимой
Хороший плащ надену я?

Она: Корова наша хоть куда,
Все молоко всегда отдаст.
А ты в жару и в холода
Хлебать молочное горазд.
Корми коровушку сенцом,
Да напоить не забывай.
Не будь упрямым гордецом,
Хороший плащ не надевай.

Он: Давненько плащ я покупал,
Он был нарядным, теплым был.
Да ведь и срок ему не мал:
Я сорок лет его носил.
Хоть и не верится сейчас,
Он красным был, как кровь моя.
Шалишь, жена, на этот раз
Хороший плащ надену я.

Она: Живем мы вместе сорок лет,
И я за этот долгий век
Детишек родила на свет,
Должно быть, десять человек.
Все стали честными людьми,
Хотя житье у нас — не рай.
Не богатеи мы, пойми,
Хороший плащ не надевай.

Он: Белл, жена, со мной дружна,
Но может вдруг поднять содом.
А мне дороже тишина,
И я не ставлю на своем.
Ничем старуху не уйму,
Когда в ней злости через край,
А хочешь тишины в дому —
Хороший плащ не надевай.

БУЛЬ-БУЛЬ-БУЛЬ...

Священник под вечер заехал в село.
Отведал перцово́й и тминной
И к полночи еле уселся в седло
Спиной к голове лошадиной.
— Куда подевалась твоя голова,
Чтоб черт подцепил ее вилкой!
И как без нее ты осталась жива,
Пока я сидел за бутылкой,
Которая булькает — буль-буль-буль...

Собравшись скакать по дороге прямой,
Он лошадь хлестнул для порядка,
Но вместо того, чтобы мчаться домой,
К реке поскакала лошадка.
— А право, я мог бы догнать скакуна
С моей безголовой кобылкой.
Теперь и овса не объестся она,
Пока я сижу за бутылкой,
Которая булькает — буль-буль-буль...

Напившись, лошадка поела травы.
Священник подумал: «Не худо!
Нетрудно скакать, если нет головы,
Но пить через хвост — это чудо!»
И тут он свалился на камень речной,
И с каменной жесткой подстилки

Сказал: — Голова! И как раз надо мной!
Найди-ка ее без бутылки,
Которая булькает — буль-буль-буль...

Вальтер Скотт

Das große Festmahl

ТОРЖЕСТВО БРЮСА

Отцовский замок занял Брюс.
— Мужает в битвах наш союз!
Идем, друзья, идем,
Я всех зову на пир ко мне,
Подпaska с лордом наравне,
Прославленным вождем.
Мой старый замок! Здесь в углу
На этом каменном полу
Я сделал первый шаг.
Я рос и креп из года в год,
Играл и прыгал без забот,
И откликался гулкой свод
На лай моих собак.
Хвала друзьям моим, хвала! —
Но тут он встал из-за стола,
Суровым взглядом зал обвел
И молча бросил меч на стол.
И меч дымился, с двух сторон
Английской кровью обагрел.

— Несите кубки! — Брюс сказал. —
Пускай они обходят зал,
И трижды пьет из кубка тот,
Кто за Шотландию встает,
Кому и жизнь не дорога,
Пока страна в руках врага.
Но если кто-нибудь из нас

Кривит душою в этот час,
Клеймо предателя, позор
Ему да будет приговор.
Недолгий пир затеял я,
Так будем веселы, друзья.
За бурей буря мчится вслед,
И тем отраднее прѣсвет.
Мы славно начали поход,
Но трудный путь шотландцев ждет.
Пошлем гонцов по всей стране,
И пусть друзья спешат ко мне,
Звенят кольчуги, блещет сталь,
И выступает Тевьотдаль,
И Этрик шлет своих стрелков,
Неутомимых смельчаков,
И за Ридсвейр гонцы летят
В туманный край, седой Кейп-Рат,
И эхом вторит лес и дол:
Проснулся Северный Орел!

АЛЛЕН Э-ДЕЙЛ

У Аллена дров — ни полена, ни палки,
Ни пашни для плуга, ни шерсти для прялки.
Но есть у него, непонятно откуда,
Червонного золота звонкая груда.
Об Аллене храбром я песню спою,
А вы разгадайте загадку мою.

Барон Равенсворт с каждым годом надменней,
Он взглядом своих не охватит владений.
Барону олени нужны для забавы,
Прирученным — парки, а диким — дубравы.
Но Аллен свободней, чем дикий олень,
Что скачет в дубраве, приветствуя день.

Хоть нет у него ни герба, ни короны
И с ним не спешат породниться бароны,
Две дюжины братьев по первому рогу
Сбегутся из леса к нему на подмогу,
А если с ним встретится гордый барон,
То Аллену в землю поклонится он.

Посватался Аллен, пришелся по нраву,
Но любит родня и богатство, и славу.
— Барон не нахвалится крепостью горной,
Но трижды прекрасней мой замок просторный.
Мой кров — небосвод, и плывут надо мной
Блестящие звезды за бледной луной.

Родня оказалась упрямее стали,
И гостя обратно ни с чем отослали.
А утром весь дом был угрюм и печален:
Недаром девчонке подмигивал Аллен!
Она ускакала — лови не лови —
Послушать, как Аллен поет о любви.

ПЕСНЯ

по случаю водружения знамени
перед большим футбольным матчем
на Картерхоу

С отдаленных холмов игроков собирая,
Загорелся костер на вершине горы,
И отважные горцы, как гончая стая,
Несутся по вереску к месту игры.

Поднимем же знамя! Оно над горами
Немало столетий летело, как дым.
Пусть реет со славой над нашей забавой,
Мы в битве кровавой его защитим.

Коль захватчики с юга грозили войною,
Это знамя смиряло разбойничий пыл.
Возле древка вставляли могучей стеною
Суровые воины, полные сил.

Пусть эхо войны никогда не проснется,
Но если найдется упрямый гордец,
То прежде, чем нашей святыни коснется,
Он тысячу встретит бесстрашных сердец.

Снимайте одежду, и, счастьем доверяясь,
Вперед! Ничего, если ливень пошел.
Есть беды страшней, чем паденье на вереск,
И жизнь, если вдуматься, тоже футбол.

А после забавы, охвачены жаждой,
Мы выпьем за тех, кто следил за игрой.
В обеих ватагах пусть славится каждый,
Кто храбро играл, — настоящий герой.

Поднимем же знамя! Оно над горами
Немало столетий летело, как дым.
Пусть реет со славой над нашей забавой,
Мы в битве кровавой его защитим.

ПЕСНЯ

Клятва женщины

Если милый женский рот
Клятву верности дает,
Мы писать ее вольны
На сквозном луче луны.
Это зыбко и непрочно,
Но и клятва так же точно
И зыбка, и непрочна,
Словно бледная луна.

Клятва женщины легка,
Словно нитка паука.
Клятве женщины цена —
Шелушинка от зерна.
Бранил я милую сурово
За то, что не сдержала слово.
Она клялась в любви своей,
И я опять поверил ей.

СТРОКИ,

обращенные к господину Александру,
знаменитому чревовещателю

У нас в старину почиталось грехом
Иметь два лица под одним колпаком.
Что делать с тобой, не решу я никак:
Две дюжины лиц ты загнал под колпак.
О архиобманщик, ответ напрямик:
Ты юный атлет или дряхлый старик?
Ты мышь или кошка, никак не пойму.
А может быть, ты — все живое в дому?
Живое? Но ты и любой инструмент,
Пилу и бурав представляешь в момент.
Ты, может быть, — двое? Постичь нелегко.
Пока что зовись Александром и К⁰.
Ты — сходка. Скопление. Без малого полк.
И я как шериф исполняю свой долг:
Закон Против Сборищ сейчас оглашу
И строго тебя разойтись попрошу.

Роберт Бёрнс

ЛОГАН БРАС

Я сердце Вилли отдала,
И Логан тек ясней стекла,
И потекли с тех пор года
Быстрее, чем Логана вода.
А нынче между берегов
Течет он, как зима, суров,
И Вилли далеко от нас.
Он на войне, о Логан Брас!

Подруга певчего дрозда
Не поднимается с гнезда,
И дрозд для будущих птенцов
Поет, как дюжина певцов.
А я одна детей ращу,
Одна тружусь, одна грущу,
И слезы катятся из глаз,
Когда гляжу на Логан Брас.

Проклятье племени господ,
Народ поднявших на народ!
Пусть слезы горестных ночей
Зальют, утопят богачей.
Как только может их душа
Отнять отца у малыша!
Скорей бы жар войны погас
И мир пришел на Логан Брас.

ЖАЛОБА ШОТЛАНДСКОЙ ВДОВЫ

Пришла я с гор еще вчера,
Ох, ох, сыночек, ох.
Плоха я стала и стара,
И кошелек мой плох.

А были, были времена,
Ох, ох, сыночек, ох.
В любой работе я одна
Перегоняла трех.

Была корова у меня,
Ох, ох, сыночек, ох.
В горах, бубенчиком звеня,
Она топтала мох.

Овец держали мы стада,
Ох, ох, сыночек, ох.
Не подбирала я тогда
Чужих постылых крох.

У нас, шотландцев, трусость — грех,
Немало смелых душ,
А Дональд был смелее всех,
И это был мой муж.

Вот, слышим, Стюарт двинул рать,
Шотландия жива!

Ушел мой Дональд защищать
Шотландские права.

И вместе с родиной своей
Мой Дональд пал в бою.
С тех пор одна среди людей
Я вдови слезы лью.

Ох, ох, не мил мне белый свет,
Родимые края,
И женщины на свете нет
Несчастнее, чем я.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПАРЕНЬ

Крестьянский парень небогат,
Но честен с малых лет.
На нем короткие чулки
И голубой берет.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

Домой он с пахоты придет,
Все мокрое на теле.
Переоденься, мой родной,
И отдохни в постели.

Ему стираю я белье,
Ему латаю платье.
Ему дарю я поцелуй
И крепкие объятия.

Не знала я, где он живет,
Какое поле пашет.
Но раз на празднике, гляжу —
Красивый парень пляшет.

На парне белые чулки,
Серебряные пряжки.

У парня ясные глаза
И смелые замашки.

Меня он нежно полюбил,
Уговорил жениться.
Растет у нас густой ячмень,
Высокая пшеница.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

ЛЮБОВЬ — КАК РОЗА КРАСНАЯ

Любовь — как роза красная,
Что летом расцвела,
Как песенка далекая,
Что так нежна была.

Недаром красоте твоей
Моя любовь равна.
Пока не высохнут моря,
Не кончится она.

Пока не высохнут моря,
Не сдвинется скала,
Поверь, останется любовь
Такой же, как была.

Прощай, прощай, любовь моя,
Я путь к тебе найду,
Пускай хоть десять тысяч миль
По свету я пройду.

ПЕГГИ МОНТГОМЕРИ

Меня в полях застала мгла
На этом нищенском ночлеге.
О если б ты со мной была,
Любовь моя, родная Пегги.

Зима нам шлет свои дожди,
Все тонет в холоде и снеге.
Но в стужу на моей груди
Согрел бы я родную Пегги.

Будь я богатый знатный лорд,
Живи я в роскоши и неге,
Одним, одним я был бы горд, —
Все разделить с любимой Пегги.

* * *

Грустит душа моя тайком,
Грустит из-за Кого-то.
Я зимней полночью проснусь
И вспомню про Кого-то.
Про него, Кого-то,
Моего Кого-то.
Все дороги я пройду,
Но найду Кого-то!

Так пусть за верную любовь
Судьба хранит Кого-то,
От злой беды уберезет
И мне вернет Кого-то.
Одного Кого-то,
Моего Кого-то.
Все отдам я для него,
Моего Кого-то!

ЭПИТАФИЯ

Прочти короткий мой рассказ.
Правдив его язык, брат.
Великих много ли меж нас?
А Метью был велик, брат.

Коль ты имеешь тьму заслуг,
А награжден пинком, брат,
То здесь лежит твой лучший друг:
Был Метью бедняком, брат.

Коль твой удел — солдатский хлеб
И дым пороховой, брат,
Пусть вам построят общий склеп:
Наш Метью был герой, брат.

Коль ты соседа невзначай
На ум наставить мог, брат,
Хвалу покойному воздай:
Наш Метью был пророк, брат.

Коль ты друзей спасал не раз
От разных передряг, брат,
Такой же светоч здесь угас:
Наш Метью был добряк, брат.

Коль нет на совести твоей
И тучки небольшой, брат,

Ты с ним сошелся бы, ей-ей:
Был Метью чист душой, брат.

Коль ты породю из тех,
Кто любит винный дух, брат,
За ним водился тот же грех:
Наш Метью был питух, брат.

А если Метью кто-нибудь
Не ставит ни во грош, брат,
Тому бы голову свернуть!
Был Метью всем хорош, брат.

ТЕЛЕНОК

И будут расти и тучнеть,
как *ТЕЛЬЦЫ* в хлеву.

Проповедь

Прекрасный текст! Вы правы, сэр,
К стыду еретиков.
Да вы и сами нам пример,
Тучнейший из *телков*.

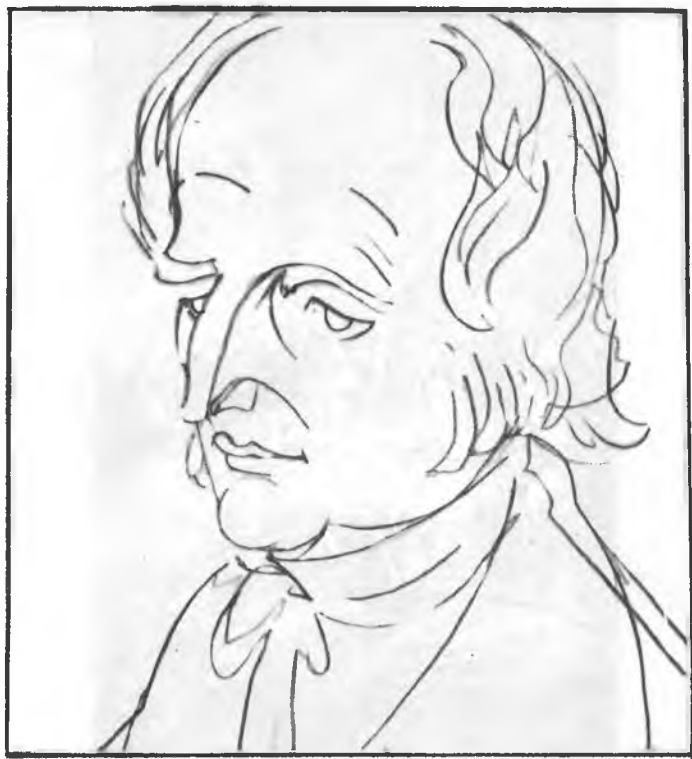
Дай побогаче вам приход,
Тогда наверняка
Вас очень скоро развезет
В солидного *бычка*.

Но если небо наконец
Пошлет вам счастья миг,
Не дай вам бог, святой отец,
Чтоб в вас проснулся *бык*.

Делите с милой пополам
Ваш дом, поля, луга.
Пускай она наставит вам
Добротные *рога*.

А если вы войдете в раж,
То, слыша грозный *рев*,
Мы будем знать, что пастырь наш
По-прежнему здоров

И в час прощанья даже те,
Кто знал быков почище,
На вашей высекут плите:
«Вот это был бычище!»

Вильям Вордсворт

История России

ФРАНЦУЗЫ И ИСПАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Жара, и голод, и с далеких гор
Сухие ветры, и ночной поход
По кручам и среди гнилых болот,
И наконец, всему наперекор,
Настигнуты испанцы, и в упор
Теснят их, гонят, бьют — но, в свой черед,
Как куропатки, чуть беда пройдет,
Перекликаясь, составляют хор, —
Они сплотятся! Их не обмануть,
Не взять, не окружить со всех сторон, —
Отряд исчез, как будто погребен.
Но где их меч? Врагу направлен в грудь!
Они ему пересекают путь
И омрачают беспокойный сон.

* *
* *

Наш мир, различен и един,
Вершит свой вечный путь.
Встает свобода из руин,
Чтоб правду нам вернуть.

Так будь же проклят, низкий сброд,
Отступник славных дел.
Достоин счастья только тот,
Кто ждать его умел.

ОДИНОКАЯ ЖНИЦА

Ты слышишь голос там, во ржи,
Шотландской девушки простой,
Но, чтобы песню не спугнуть,
Ты на виду не стой.
И жнет, и вяжет — все одна,
И песня долгая грустна,
И в тишине звучит напев,
Глухой долиной завладев.
Так аравийский соловей
В тени оазиса поет,
И об усталости своей
Не помнит пешеход.
Так возвещает о весне
Кукушки оклик, нежный зов
В пустынной дальней стороне
Гебридских островов.

О чем же девушка поет,
Все заунывней и грустней?
О черных днях былых невзгод,
О битвах прежних дней,
Старинной песней хороня
Невзгоды нынешнего дня.
А может, боль былых утрат
Пришла непрошеной назад?
Но песне не было конца,
И жница молодая

Все пела, пела, над серпом
Спины не разгибая.
Я молча слушал, а потом
Нашел тропинку за холмом.
Все дальше в горы я спешу
И в сердце песню уношу.

ЛОПАТЕ ДРУГА

Стихи, сочиненные, когда мы
вместе трудились в его саду

Лопата! Ты, которой Вилкинсон
Вскопал клочок земли, за пядью пядь!
Горжусь тобою, как гордится он,
Как он, спешу налечь на рукоять.

Завидная судьба тебе дана,
Хозяин твой — уму и чести друг.
Его удел в любые времена —
Упорный труд, нечаянный досуг,

Здоровье, скромность, чувств сердечный жар,
А с ними бодрость тела и души
И радостных забав счастливый дар,
Невинных, словно этот сад в глуши.

Как часто твой хозяин, твой Поэт
Здесь мирно пел под тихий плеск волны,
Когда еще другими не воспет
Неслышимый шаг робеющей весны.

Кто станет помыкать твоей судьбой,
Когда хозяин будет взят землей?
Ведь это ты — наследственный трофей,
И меч войны — ничто перед тобой.

Коль новому владельцу твоему
Свет истины забрезжит вдалеке,
То это верный знак, что ты ему
Придешься по сердцу и по руке.

С тобою он не будет одинок,
Подругой верной всех его работ,
И в скорбный день, когда придет твой срок,
Тебя он в дальний угол не сошлет.

За то, что ныне ты пришла в ущерб,
Тебя не упрекнет твой господин,
И ржавый остов твой, как славный герб,
Украсит незатейливый камин.

НАПИСАННОЕ В МАРТЕ

Петух ликует,
Ручей воркует,
Щебечут птицы,
Вода искрится,
Земля ожидает зерна.
И старый, и малый
Бредет усталый.
На травке новой
Пасутся коровы,
Все тридцать жуют как одна.

Снегов остатки
Бегут в беспорядке,
И гибнет зима
На вершине холма,
И пахаря песня слышна, слышна.
В горах высоких
Звенят потоки.
А дождь как не был,
Синеет небо,
И тучи уносит весна.

ЛЮСИ ГРЕЙ

Не раз я видел Люси Грей
В задумчивой глуши,
Где только шорохи ветвей,
И зной, и ни души.

Никто ей другом быть не мог
Среди глухих болот.
Никто не знал, какой цветок
В лесном краю растет.

В лесу встречаю я дрозда
И зайца на лугу,
Но милой Люси никогда
Я встретить не смогу.

— Эй, Люси, где-то наша мать,
Не сбилась бы с пути.
Возьми фонарь, ступай встречать,
Стемнеет — посвети.

— Отец, я справлюсь дотемна,
Всего-то три часа.
Еще едва-едва луна
Взошла на небеса.

— Иди, да только не забудь,
Мы к ночи бурю ждем. —

И Люси смело вышла в путь
Со старым фонарем.

Стройна, проворна и легка,
Как козочка в горах,
Она ударом башмака
Взметала снежный прах.

Потом спустился полог тьмы,
Завыло, замело.
Взбиралась Люси на холмы,
Но не пришла в село.

Напрасно звал отец-старик.
Из темноты в ответ
Не долетал ни плач, ни крик
И не маячил свет.

А поутру с немой тоской
Смотрели старики
На мост, черневший над рекой,
На ветлы у реки.

Отец промолвил: — От беды
Ни ставней, ни замков. —
И вдруг заметил он следы
Знакомых башмаков.

Следы ведут на косогор,
Отчетливо видны,
Через проломанный забор
И дальше вдоль стены.

Отец и мать спешат вперед,
До пояса в снегу.
Следы идут, идут — и вот
Они на берегу.

На сваях ледяной нарост,
Вода стремится свой бег.
Следы пересекают мост. . .
А дальше чистый снег.

Но до сих пор передают,
Что Люси Грей жива,
Что и теперь ее приют —
Лесные острова.

Она болотом и леском
Петляет наугад,
Поет печальным голоском
И не глядит назад.

Джордж Байрон

ПРОМЕТЕЙ

Титан! Ты в сумраке времен,
Как боги, все о людях знал,
Но ты людей не презирал.
Чем подвиг твой вознагражден,
Людских страданий верный друг?
Столетиями безмолвных мук.
Орел-стервятник, цепь, скала —
Вот чем судьба твоя была.
Но гордых не задушит страх
И не заставит пасть во прах.
Страшится тот, кто одинок,
Кто волю жалобам дает,
Чтобы глухой небесный свод
Его стенанья слышать мог.

Титан! Ты жребий выбрал сам.
Ты обречен на гибель был,
Но пытке ты не уступил.
И беспощадным небесам,
Которые, гордясь собой,
Играют чьей-нибудь судьбой,
Покуда не умрет живой,
Осталось в ярости слепой
Отнять у мученика смерть.
И дрогнула земная твердь,
Но ты не прекратил борьбы.

Ты Громовержцу самому
Проклятьем гневным отвечал,
Удар ударом ты встречал
И, тайну не открыв ему,
Ты знал исход его судьбы.
Твой жребий стал ему укором,
Молчанье — грозным приговором,
И малодушно задрожала
Рука, что молнии держала.

Ты провинился добротой,
Ты просветил умы людей
И этим сделал их сильней,
Зажег отвагою святой.
Пускай низвергнут ты с небес,
Твой мощный пламень не исчез.
Он не смирился, не потух,
Преодолеу удар жестокий,
И ты, непобедимый дух,
Даешь бессмертные уроки.
Ты символ, данный нам навек,
Глубокий смысл в тебе таится:
Подобен богу Человек,
Пока душа не замутится.
Судить нам должно по тебе
О нашей будущей судьбе.
Но, вопреки суровым думам
Об одиночестве угрюмом,
Одолеваем мы себя.

Поработителей губя,
Встают на подвиг ум и честь,
И в пытках, в гнете роковом,
В страданиях вызревает месть,
И в этом споре мировом
Смерть обернется торжеством!

СОНЕТ К ШИЛЬОНСКОМУ ЗАМКУ

Бессмертный светоч вольного ума,
Ты ярче, о великая свобода,
Горишь в сердцах защитников народа,
Когда вокруг угрюмая тюрьма.

Страданья в темноте сырого свода
Отечество спасают от ярма,
И вольность пробуждается сама,
И все поет весну ее прихода.

Шильон! Твой не померкнет ореол.
Здесь Бонивар страдал во мраке черном.
Его шагами выбит этот пол —

Как будто камни были мягким дерном.
Храните их! Ведь это произвол
Навеки заклеямен клеймом позорным.

СТАНСЫ

Погибает свобода в отчизне твоей,
Но соседи сражаются пылко.
Вспомни мужество римлян и бейся смелей,
Не жалея ни лба, ни затылка.

Мир запомнит, что ты угнетенным помог,
Он, конечно, героя прославит.
И тебя увенчает лавровый венок,
Если прежде петля не давит.

В ДЕНЬ, КОГДА МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Должно бы сердце стать глухим
И чувства прежние забыть,
Но, пусть никем я не любим,
Хочу любить!

Мой листопад шуршит листвою.
Все меньше листьев в вышине.
Недуг и камень гробовой
Остались мне.

Огонь мой сжигает дни,
Но одиноко он горит.
Лишь погребальные огни
Он породит.

Надежда в горестной судьбе,
Любовь моя — навек прости.
Могу лишь помнить о тебе
И цепь нести.

Но *здесь сейчас* не до тоски.
Свершается великий труд.
Из лавра гордые венки
Героев ждут.

О Греция! Прекрасен вид
Твоих мечей, твоих знамен!
Спартаец, поднятый на щит,
    Не покорен.

Восстань! (*Не Греция* восстань —
Уже восстал сей древний край!)
Восстань, мой дух! И снова дань
    Борьбе отдай.

О мужество! Тенета рви,
Топчи лукавые мечты,
Не слушай голосов любви
    И красоты.

Нет утешения, так что ж
Грустить о юности своей?
Погибни! Ты конец найдешь
    Среди мечей.

Могила жадно ждет солдат,
Пока сражаются они.
Так брось назад прощальный взгляд
    И в ней усни.

ТЫ ПЛАЧЕШЬ

Ты плачешь — светлая слеза
Сверкает синевой,
Как будто падает роса
С фиалки полевой.
Ты улыбнулась — вспыхнул взгляд,
И столько света в нем,
Что и сафиры не горят
Таким живым огнем.

Уходит солнце на покой,
Но, в облаках горя,
Все так же спорит с темнотой
Вечерняя заря.
Не так ли чистый облик твой
Улыбкою дарит,
И долго свет ее живой
В душе моей горит.

НЕ БРОДИТЬ МНЕ НОЧЬЮ С НЕЮ

Не бродить мне ночью с нею
В тишине полей,
Хоть любовь зовет сильнее.
И луна горит светлей.

Но клинок ножны износит,
А душа износит грудь.
Вот и сердце тихо просит
От блаженства отдохнуть.

Хоть любовь зовет сильнее
В этот поздний час ночной,
Не бродить мне ночью с нею
В поле под луной.

* * *

Вечер прощальный
Я в сердце унес,
Вечер печальный
Молчанья и слез.
Скорбно твое чело,
Губы как лед.
Все нам пророчило
Нынешний год.

Была этой ночью
Роса холодна.
Блаженство непрочно,
Совсем как она.
Ты нынче иная,
Чем в клятвах твоих,
И слава дурная
Нас губит двоих.

Как звон похоронный,
Несется молва.
В душе оскорбленной
Зачем ты жива?
Не знают другие,
Как я тебя знал.
И как я впервые
Тебя проклинал.

Мне душу томит
Безмолвная мгла.
Я тобою забыт,
Ты мне солгала.
Что бы нам новый
Вечер принес?
Жребий суровый
Молчанья и слез.

ТОМАСУ МУРУ

Лодка ждет на берегу.
Барк на рейде. Бьет прибой.
Но отплыть я не могу,
Не простясь, Том Мур, с тобой.

Там, под чуждым небом юга,
Я к любой судьбе готов.
Я со вздохом вспомню друга
И с улыбкою — врагов.

Пусть о скалы море бьется,
В дальний путь идут суда.
Для того, кто не сдается,
И в пустыне есть вода.

Если б там я изнемог,
Все надежды истребя,
То последний мой глоток
Я бы выпил за тебя.

Я бы пил в последний раз
Не печален и не хмур.
Я бы пил, как пью сейчас,
Чтобы счастлив был Том Мур.

ТОМАСУ МУРУ

Чем ты там занят,
О Томас Мур?
Чем ты там занят,
О Томас Мур?
Все воркованием?
Все рифмованием?
Публикованием?
Чем, Томас Мур?

На носу карнавалы,
О Томас Мур,
На носу карнавалы,
О Томас Мур,
С музыкой, плясками,
Парами, масками,
Ножками, глазками,
О Томас Мур!

ПРОЩАНИЕ С МАЛЬТОЙ

Прощай, о крепость Ла-Валет,
Сирокко, пот и солнца свет,
Дворец безлюдный и дома,
Где рисковал я без ума,
Крутые улицы-ступеньки —
Хоть становись на четвереньки,
Купцы с привычкой разоряться,
Толпа, в которой все бранятся,
Суда без почты долгожданной
И дураки с гримасой странной.
Прощай, проклятый карантин,
Что мне принес болезнь и сплин.
Прощай, театр, где мы зевали,
Пока на сцене танцевали,
И Питер, что фигурам вальса
Учить полковника пытался.
Прощай, напыщенность манер
И выправка en militaire
И форма красная (над ней
Торчит лицо еще красней).
Спешу — зачем, не знаю сам —
К далеким серым небесам,
Где, если ты себе не лжешь,
Мир по-другому нехорош.

Прощайте, баловни молвы,
Сыны безбрежной синевы!

От этих знойных берегов
Вы прочь отбросили врагов.
Балы, гулянья и обеды —
Дань вашей славе, дань победы,
И дар моей болтливой музы
Да не составит вам обузы.

Здесь миссис Фрейзер я знавал. . .
Вы ждете, может быть, похвал —
Что ж, если б я уверен был,
Что стоит похвала чернил,
Две-три строки не труд, по чести.
Когда не нужно даже лести.
Но, право, ей, что так мила,
Пристала лучшая хвала.
Полны сердечной чистоты
И непритворной простоты,
Ее часы легко бегут,
И петь ее — излишний труд.

О Мальта, Мальта, я твой данник.
Тебе, воинственный предбанник,
Без лишних слов второго сорта
Не посулю я даже черта.
Стою, смотрю и не пойму:
Ты существуешь, но к чему?
И не решив, иду опять
Читать роман, стишки кропать.

Глотать микстуру понемножку
(Раз в полчаса большую ложку),
И приступ мой, надев колпак,
Пережидаю кое-как.

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ НЬЮФАУНДЛЕНДСКОЙ СОБАКИ

Когда надменный герцог или граф
Вернется в землю, славы не стяжав,
Зовут ваятеля с его резцом
И ставят памятник над мертвецом.
Конечно, надпись будет говорить
Не кем он был, — кем только мог бы быть.
А этот бедный пес, вернейший друг,
Усерднейший из всех усердных слуг, —
Он как умел хозяину служил,
Он только для него дышал и жил, —
И что ж? Забыты преданность и труд,
И даже душу в нем не признают:
Его кумир, всесильный господин,
На небесах желает быть один.
О человек, слепой жилец времен!
Ты рабством или властью развращен,
Кто знал тебя, гнушается тобой,
Презренный прах с презренною судьбой!
Любовь твоя — разврат, а дружба — ложь,
Ты словом и улыбкой предаешь!
Твоя порода чванна и горда,
Но за нее краснеешь от стыда.
Ступай к богатым склепам — и не стой
Над этой урной, скромной и простой.
Она останки друга сторожит.
Один был друг — и тот в земле лежит.

ЭПИТАФИЯ
Джозефа Блекета,
покойного поэта и сапожника

Здесь дремлет мастер, о прохожий,
Тончайшей мысли, толстой кожи.
Бедняга Джозеф был таков.
Он не износит башмаков.
И так, и этак он строчил,
Покуда здесь не опочил.
Ступай потише, милый друг:
Кто подобьет тебе каблук?
Почтим у гробовой доски
Его стишки, его стежки.
Мир помянет его добром,
Владел он шилом, как пером,
Кроил из кожи все, что мог,
Из кожи лез, кроя стишок.
Чернил он обувь многим людям,
Но мы чернить его не будем.

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛДА ГАРОЛЬДА

(отрывок)

Прощай! Родимых берегов
Исчезла полоса.
Кругом лишь рев крутых валов
Да чаек голоса.
Темнеют небо и вода,
Все ниже солнца край.
Итак, отныне навсегда,
О родина, прощай!

Покинет солнце свой ночлег
И встанет надо мной,
Но не увижу я вовек
Земли моей родной.
Мой дом хозяина не ждет,
Остыл его очаг.
Собака воеет у ворот,
Зовет, скулит во мрак.

— Скажи, скажи, мой юный паж,
О чем твоя печаль?
Тебя пугает жребий наш,
Томит морская даль?
Отри слезу, мой мальчуган,
Корабль надежно сбит,
Ему не страшен ураган,
Как сокол, он летит.

— Я не боюсь пойти на дно
И верю кораблю.
Сэр Чайлд, грустить немудрено
О тех, кого люблю.
Отца и мать покинул сын,
Полей родимых прах.
Теперь со мной лишь ты один,
Да тот, кто в небесах.

Отец суровый у меня,
Не станет он рыдать,
Но знаю я, не будет дня,
Чтоб не рыдала мать.
— Молчи, молчи, о мальчик мой,
Ты полон доброты,
И будь я так же прост душой,
Я плакал бы, как ты.

Скажи мне, верный мой слуга,
Ты бледен отчего?
На море корабли врага,
Страшишься ты его?
— О нет, сэр Чайлд, не страшно мне,
Не так уж я несмел.
Но я подумал о жене
И, видно, побледнел.

Моя жена с детьми живет
Над озером твоим.

Речь об отце у них зайдет,
Что ей ответить им?
— Молчи, молчи, о спутник мой,
Понятна грусть твоя,
Но над пучиною морской
Лечу со смехом я.

Кого обманет женский вздох
И жар пустых речей?
Вчера хорош, а нынче плох,
И высох слез ручей.
Я не тоскую ни о ком
И не боюсь грозы.
Увы, ничто в моем былом
Не стоит и слезы.

Один, один держу я путь,
Молчание храня.
Мне больше не о ком вздохнуть,
Весь мир забыл меня.
Моя собака, поскулив,
Чужой кусок возьмет
И, возвратись я еле жив,
На части разорвет.

Но как бы ветер ни крепчал,
Смелее, парус мой!
Куда бы ты меня ни мчал,
Нам нет пути домой.

Привет, восхода полоса
И незнакомый край!
Привет, пустыни и леса!
О родина — прощай!

Томас Мур

FORGE WAP

ПЕРЕД БИТВОЙ

Завтра снова битва грянет,
Будет смерть косить солдат.
Время вольности настанет,
Или цепи загремят.
Но что бы ни принес рассвет,
Для угнетенных счастья нет.

Как звезда, падет герой,
Он уснет в земле сырой,
Родина заплачет по нему.
Счастлив, кто навек затих
Там, в кругу своих родных,
И светло ему сходить во тьму,
Но трижды счастлив воин тот,
Кого Победа отпоет.

Враг разжег огни в тумане,
Но бледнеет и дрожит,
Чуть припомнит поле брани,
Где он нами был разбит.
Тщетно хочет он опять
Нас в цепи рабства заковать.

Чу! Рога войны трубят.
Пусть же огненный закат
Принесет нам славу, а не стыд.
Смолкнут многие сердца,

Что боролись до конца,
И победа их не пробудит.
Уснет герой под плач и стон,
Прекрасен этот вечный сон.

КАК ДУША ТРЕПЕЩЕТ...

Как душа трепещет,
Когда на солнце блещет
То меч, то шлем,
А там, над всем,
Султанов море плещет!

Сердца надеждой бьются,
И звуки горнов льются,
Как гордый зов
Для храбрецов,
Что в битвах не сдаются.

Как душа трепещет,
Когда на солнце блещет
То меч, то шлем,
А там, над всем,
Султанов море плещет!

Свободою мы пьяны,
Что шлемы, что султаны!
Нам черт не брат,
Таких солдат
Не соберут тираны.

Смешон нам щеголь жалкий.
А чуть дойдет до свалки,

И побеждать
Не сможет рать,
Что гонят из-под палки.

Меч сокрушил забрало,
Но сердце устояло.
Мы знаем: честь
Была и есть
Надежнее металла.

Как душа трепещет,
Когда на солнце блещет
То меч, то шлем
И храбрым всем
Свобода рукоплещет!

МАЛЬЧИК-ПЕВЕЦ

Певец отважно шел на бой,
И горд, и счастлив был он.
Отцовский меч он взял с собой,
И арфу не забыл он.

— Отчизна песен! Черен год,
Измена миром правит.
Но мой клинок тебя спасет,
Струна моя прославит!

Певец изранен был в бою.
В цепях не унывал он.
Взял арфу дикую свою
И струны разорвал он.

— Пускай томишься ты в плену,
Тебя не побороли.
Ты пела вольную страну,
Так замолчи в неволе!

БЕЖИМ ЗА МОРЯ

Бежим за моря,
Любовь моя,
Неразлучные в бурю и зной.
Умчится весна,
Но будь мне верна
Над чужой и далекой волной.

Друг друга любя, мы спорим с судьбою.
Умру без тебя, живу я тобою.
Бежим за моря,
Любовь моя,
Пусть беснуется ветер шальной.
Умчится весна,
Но будь мне верна
Над чужой и далекой волной.

Ведь дышат не зря
Свободой моря.
А земля — для цепей и рабов.
Отбросим же страх,
И там, на волнах,
Улыбнется Свободе Любовь.

Ни злых языков, ни взглядов холодных,
И сердцу легко в просторах свободных.
Бежим за моря,
Любовь моя,

Неразлучные в бурю и зной.
Умчится весна,
Но будь мне верна
Над чужой и далекой волной.

МОЛОДАЯ ЛУНА

Скорей лети ко мне, любовь,
При молодой луне, любовь,
    Бродить со мной
    В глуши лесной,
Пока весь мир во сне, любовь.

Проснись! Эта ночь так ясна, любовь,
Пробродим с тобой допоздна, любовь,
    Мы будем одни,
    Продлим мы дни,
Украв мгновенья у сна, любовь.

Весь мир темнотою укрыт, любовь,
И лишь Звездочет все не спит, любовь,
    Да я, чья звезда
    Всегда, всегда
В окне твоём ярко горит, любовь.

Проснись скорее! Я жду, любовь.
Но только не стой на виду, любовь,
    Не то Звездочет
    Трубу наведет
И примет тебя за звезду, любовь.

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

Нынешней ночью выйди ко мне,
Погадаю, что приключится,
Как никогда никто при луне
Не гадал ни одной девице.

Пусть никого не будет вокруг,
Ни шепота, ни взгляда.
Лишь небо, да я, да ты, мой друг,
А свидетелей нам не надо.

Если гроза не затмит небосклон,
Покажет мое искусство
Призрак того, кто на свет рожден,
Чтобы внушить тебе чувство.

И если к призраку ты снизойдешь,
Не встретишь слишком сурово,
Он будет с тобой так мил и хорош —
Не отличишь от живого.

К ногам твоим, под бледной луной,
Склонится он, пылок и страстен.
Подумать только, что страсти земной
И призрак бывает подвластен.

О чем у вас беседа пойдет,
Мне книга судеб не открыла,
Но я ручаюсь, что небосвод
Не расскажет о том, что было.

Перси Шелли

СВОБОДА

Вулкан отвечает гулом вулкану,
Тяжелый гул летит без дорог.
Бросает клич океан океану,
И льдины встают волнам поперек,
    Когда шторм задувает в рог.

Молнией тягостный мрак распорот,
Открылась тысяча островов.
Землетрясение рушит город,
Дрожат другие; глух и суров
    Далекий подземный рев.

Но взгляд твой острее, чем сверканье молний.
А шаг быстрее, чем подземный толчок.
Океан ты смиряешь; лавою полный
Вулкан цепенеет; и солнца зрачок
    Не ярче, чем светлячок.

От гор и морей, гоня непогоду,
Лучи бросая, утро встает.
От уст к устам, от народа к народу
Свершается твой могучий восход.
И раб и тиран — как тени ночей
    В сиянии светлых лучей.

АНГЛИЧАНАМ

Англичане, вы по праву
Унаследовали славу,
Вы — надежда, гордость, сила
Той страны, что вас растила.

Встаньте яростными львами!
Господа не сладят с вами.
Ночь исчезнет, день придет,
Навсегда ярмо спадет.
Их — немного, вы — народ!

О ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ 1819 ГОДА

Как два ворона кричат
На дубу среди долины,
Каркнут, каркнут — и молчат,
Предвкушая сладкий смрад
Новой мертвечины, —

Как два хищника ночных
Вылетают за добычей,
И луна глядит на них,
А под ними лес затих,
Ожидая казни птичьей, —

Как у южных островов
Две акулы волны режут,
Ждут невольничьих судов,
Спорят, будет ли улов,
На просторе жабры нежат, —

Так вы зловещею четой
Повсюду рядом, вечно вкупе, —
Два скорпиона под скалой,
Два волка над одной овцой,
Два жирных коршуна на трупе.

СТРОКИ

Когда лампа разбита,
Огонь умирает в пыли.
Когда буря забыта,
Все меньше радуг вдали.
Когда лютня упала,
Струна звенит все слабей,
Когда речь отзвучала,
Бледнеет память о ней.

Без лампы недолго
Огонь догорал, чуть дыша,
И песня умолкла,
Когда онемела душа.
В ней гимны ночные,
Как ветер в руинах, поют,
Как волны морские,
Что вечно в колокол бьют.

Открыты ударам
Два сердца у всех на виду,
И жребий недаром
Слабейшему прочит беду.
Любовь! Ты ведь знала
О нашей непрочной судьбе.
Зачем ты избрала
Такое жилище себе?

Но сердце устанет,
Как ворон в большой ураган,
И разум обманет,
Как солнце в мороз и туман.
Стропила раскрыты,
Ориный обрушился кров,
И нет нам защиты
От зимних холодных ветров.

* *
*

Боюсь я близости с тобою.
Меня не бойся ты:
Не стану сумрачной душою
Смущать твои мечты.

Боюсь молчания и взгляда.
Меня не бойся ты:
Моя душа бояться рада,
И помыслы чисты.

МУЗЫКА

Я жажду музыки светлых высот.
Изныло сердце и еле бьется.
Пускай прохладу она несет,
Серебряным ливнем пускай прольется.
Так ждет цветок, чтобы щедрый поток
Освежиться, умыться ему помог.

Мелодии дух я блаженно пью.
Больше, больше! Жажда сильна.
Я на сердце носил заботы змею,
И кольца разжала она.
А меня взамен забирая в плен,
Вливается музыка в русла вен.

Так льется запах фиалки лесной
В озерном краю, у темной коряги.
Хрупкую чашечку высушил зной,
Легкий туман не оставил влаги,
И мертвый цветок надломлен и смят,
А над озером веет его аромат.

Так гордый счастливец, ликуя, пьет,
Когда напиток благословенный
Сама Поэзия подает
В хрустальном кубке, сверкающем пеной.

. . . . .
. . . . .

ЛЕТО И ЗИМА

Был ясный летний день, когда с утра
Уже томит июньская жара,
А свежий ветер, дерзок и могуч,
Не сдвинул горы серебристых туч,
И чистый беспредельный небосвод,
Как вечность, перед нами предстает.
Все нежилось под солнцем — сорняки,
Холмы, река и поле у реки,
И листья ивы, что в воде росла,
И вековых деревьев купола.

Была зима, — такой мороз, когда
В чащобах гибнут птицы, и вода,
Смерзаясь хаосом прозрачных глыб,
Сжимает в них остекленевших рыб,
И каменеет ил. В такие дни
Гудят в каминах жаркие огни
И пешеход торопится домой.
Но горе, горе нищему с сумой!

ВЕЧЕР

Погасло солнце. Птицы присмирели.
Нетопыри расправили крыла.
Выносят жабы из укромной щели
Свои сырые мягкие тела,
И вечер, опускаясь над рекою,
Не всколыхнет раздумья и покоя.

Трава — и та не смочена росой.
Ни капли влаги в листьях молчаливых.
Стихает ветер, легкий и сухой,
Но временами слабые порывы
Колеблют тишину над головой
И крутят сор на пыльной мостовой.

Немых домов немое отраженье
Поверх реки, как зеркало, лежит.
Оно недвижно, но всегда в движенье,
Не исчезает, но слегка дрожит.
На вечность это зеркало похоже:
Ты жил, ты стал другим — оно все то же.

Над спящим солнцем, в бездну погруженным,
Громады туч легли на небосвод,
Подобные горам нагроможденным,
Но медленно ползущие вперед.
А там, над ними, в синеве высокой,
Звезда ночная блещет одиноко.

К ЖАВОРОНКУ

Дух благословенный!
Нет, не птица ты.
Где-то во Вселенной
С крайней высоты
Ты щедро песни льешь
вдали от суеты.

Высоко над нами
Ты на склоне дня
Мчишься вверх, как пламя,
Облачко огня.
Звенишь ты, плавая,
и плаваешь, звеня.

Там, где все объято
Дымкой золотой,
В зареве заката
След затерян твой.
Ты — словно сам восторг,
летающий над землей.

Сумрак бледно-алый
На пути твоём.
Весь твой облик малый,
Словно звезды днем,
Укрыт от наших глаз,
мы только звуков ждем.

Так всю ночь блистает
Круг из серебра
И, бледнея, тает
В ранний час утра.
Он прячется от нас
туда, где был вчера.

Долы, горы, кручи
В слух обращены,
Словно из-за тучи
Льется свет луны,
И небо и земля
сиянием полны.

Мы не знаем, кто ты
И на что похож.
Покорив высоты,
Ты нам песни шлешь.
Обильнее, чем дождь,
они струятся сплошь.

Ты, как в келье тесной
Скрывшийся поэт,
Покоряешь песней
Равнодушный свет,
Как раз, когда ему
до песен дела нет.

Так поет нам дева
В башенке дворца.
И тоска напева
Трогает сердца.
Он нежен, как любовь,
и льется без конца.

Так в траве росистой,
Там, где нет дорог,
Светлячок под листья
Прячет огонек,
Чтоб огонька никто
найти в глуши не мог.

Так над розой в мае,
Облетая сад,
Ветерки, играя,
Ловят аромат,
И каждый сладостью
до одури богат.

Звук дождей весенних,
Мокрая трава,
Шум в зеленых сених,
Смутный, как молва, —
Все в музыке твоей,
в потоках торжества.

Приоткрой же нам
Тайники свои —

Как возникла там
Песня о любви
С потоком волшебства
и пламенем в крови.

Свадебные гимны,
Оды мерный ход —
Голоса судьбы мне
В них недостает.
Ничто, ничто с тобой
в сравнение не идет.

Но что же славит вольно
Мелодия твоя?
Равнины, горы, волны?
Небесные края?
Неведомую страсть?
Блаженство бытия?

Мы услышать рады
Свежий, сильный звук.
Призракам досады
Места нет вокруг.
Ты знаешь лишь любовь
без горя и без мук.

Ты и смерть саму
Знаешь лучше нас.
Нашему уму
Темен смертный час.

Но ясен твой напев
и крепок, как алмаз.

Туман тревоги вечной
Растет из ничего.
Чуть вспыхнет смех сердечный.
Как боль пронзит его.
Любимый наш напев
печальнее всего.

Но если бы не знать
Туманы и грозу,
И счастья не терять,
И не пролить слезу,
То как тебя понять
нам, жаждущим внизу.

Вместо звуков дивных,
Тающих вдали,
Вместо книг архивных,
Тлеющих в пыли,
Поэт бы взял твой дар,
отступник от земли!

Научи хоть малость
Радости твоей,
Чтобы изливалось
Сердце все нежней
И мне внимал весь мир,
как я внимаю ей.

Джон Китс

РОБИН ГУД

Другу

Нет! Прошли те времена,
Их покрыла седина,
И завален прежний след
Листопадом многих лет,
И среди морозной тьмы
Элые ножницы зимы —
Резкий Норд и жгучий Вест —
Долго шелкали окрест.
Путь неблизок от легенды
До концессий и аренды.

Верный рог не пропоеет,
Тетива не пропоеет.
Над холмами, над травой
Клич не слышен боевой.
Не начнут стрелки игру,
И прохожему в бору
Неожиданное эхо
Не приносит взрывов смеха.
Летом, в сумраке лесном,
Странствуй ночью или днем,
Под сиянием полярным
Или месяцем янтарным,
Но не выйдут с двух сторон
Робин и Малютка Джон.
Не сойдет стрелок в долину,

Выбивая по кувшину
На охотничий манер
Древней песенки размер,
Чтоб опять дороги лента
По лугам прибрежным Трента
Привела в лесной приют,
Где собратья эля ждут.

Миновала та пора,
Нет веселья у костра,
Нет могучего стрелка
У лесного камелька.
Все прошло, как легкий дым!
Если б Робин встал живым
Из-под тихого холма,
Если б Мариан сама
Пробудилась вдруг от сна,
Зарыдала бы она,
Робин проклял бы, суров,
Гибель всех своих дубов
В кораблях на дне морей.
Странно было б слышать ей,
Что отведать можно меда
Только с крупного дохода.

Пусть не встать былой траве —
Слава старой тетиве!
Слава громовым рогам!
Слава девственным лесам!

Слава зоркому стрелку,
Слава стрелам на боку
И тому, кто испокон
Прозван был Малютка Джон!
Слава лучшей из могил,
Где наш Робин опочил!
Слава нежной Мариан
И тебе, шервудский клан!
Все прошло — но мы вдвоем
Вашей песне подпоем.

К ОСЕНИ

Ты шлешь туманы, тяжелишь сады,
Ты с солнцем, полным зрелого тепла,
Советуешься, как налить плоды,
Как сделать, чтоб лоза пышной была,
Увешать яблоками каждый сук,
Чтоб гнулся до земли замшелый ствол,
Все соками наполнить в свой черед;
И прокалить орехи, и для пчел
Бутоны поздние раскрыть вокруг,
Как будто вечно не увянет луг
И в соты будет литься сладкий мед.

Кто не встречал тебя среди дорог?
Ты приходила в житницу босой,
И веялки горячий ветерок
Играл твоей распушенной косой;
На полосе несжатой ты спала,
Колосья ненадолго пощадив,
И маки навевали смутный сон,
А то через ручей ты с ношей шла,
Как сборщица колосьев с дальних нив,
А то, над прессом голову склонив,
Смотрела, как рождает капли он.

Где песни зорь весенних? Где они?
Но у тебя свой голос, тон и лад.
Когда нагие полосы стерни

Окрасит бледно-розовый закат,
Звенят над речкой тучи комаров,
И ветер то им виться не дает,
То снова затихает в полусне.
Ягнята голос подают с холмов,
Сверчки трещат весь вечер напролет,
В глухом саду малиновка поет,
И ласточки щебечут в вышине.

ПЕСНЯ О СЕБЕ САМОМ

Жил мальчик озорной.
Бродить ему хотелось.
Вздыхнув, он шел домой,
А дома не сиделось.

Взял книгу он,
Полную
Строчек
И точек,
Взял пару
Сорочек.
Не взял он колпак:
Ведь можно
И так.
В мешок —
Гребешок,
И носки в порядке —
Без дырки на пятке.
Мешок он надел
И вокруг поглядел,

На север,
На север
Побрел наугад,
На север
Побрел наугад.

Мальчишка озорной
Ничем не занимался.

Поэзией одной

Все время баловался.

Перо очинил

Вот такое!

И банку чернил

Прижимая

Рукою,

И еле дыша,

Помчался,

Спеша

К ручьям,

И холмам,

И столбам

Придорожным,

Канavam,

Могилам,

Чертям

Всевозможным.

К перу он прирос

И только в мороз

Теплей укрывался:

Подагры боялся.

А летом зато

Писал без пальто,

Писал — удивлялся,

Что все не хотят

На север,

На север

Брести наугад.

На север
Брести наугад.

Мальчишка озорной
Шатался как придется
Шотландской стороной,
Смотрел, как там живет.

Увидел, что стебель
Растет из зерна,
Что длина
Не короче,
Не громче
Поют,
Что и тут
Те же вишни,
Нет лишнего
Хлеба,
И небо
Похоже,
И то же
Из дерева
Двери —
Как в Англии!

И тогда он застыл,
Изумленный,
На месте застыл,
Изумленный!

ГЭЛОВЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Из письма Тому Китсу

Ах, если бы ты только знал,
Кого я встретил,
Карабкаясь по склонам скал
Сквозь дождь и ветер.
Я Мэри отгадать прошу,
Но по секрету
Скажу — пером не опишу
Картину эту.
Где под скалой бежит ручей,
Под мрачной высью,
Я вдруг увидел Лошадей,
Бежавших рысью.
Тогда узнать помчался я
Чуть не галопом,
Что там за Люди вдоль ручья
Гарцуют скопом.
Качался первым на седле
Кудрявый Вилли,
И, как пожар на корабле,
Кудряшки были.
Мать Пегги ехала за ним,
А следом Пегги
И братец Роб — путем одним,
В согласном беге.
Спасался каждый под плащом, —
Лылись потоки.

Взор Пегги чем-то был смущен.
Алели щеки.
Она, легко держась верхом,
Следила взглядом
За милovidным женихом,
Трусившим рядом.
Я, видно, ввел родню во гнев.
Раз юный Том
Проехал мимо покраснев,
С открытым ртом.
Ах, Мэри! Все они домой
Спешили вместе,
Беспечный и веселый рой,
Под стать невесте.
Им хорошо спешить домой
Хоть в дождь, хоть в слякоть.
У Пегги свадьба, боже мой!
Как мне не плакать?

СТРОКИ ИЗ ПИСЬМА

Здесь незаметно бегут вечера.
Налево гора,
Направо гора,
Река и речной песок.
Можно сесть
И со сливками съесть
Теплого хлеба кусок.

Один ручей
И другой ручей
Вращают колеса храбро.
В ручье лосось,
Чем пришлось,
Откармливает жабры.

Здесь дикий бор
И великий простор
Для охоты, пастьбы и порубки,
И у всех дорог
Золотистый дрок
Цепляется за юбки.

Бор высок,
В бору голосок
Нежно зовет кого-то,
А в поздний час

Веселье и пляс
На ровном лужке у болота.

Куда ни взгляни,
Кусты да плетни,
Дроздам недурная квартира.
Осиный дом —
В обрыве крутом,
Чтоб не было слишком сыро.

Ах и ах!
Маргаритки во рвах!
Примул раскрылись кубки!
Тронешь бутон,
И навстречу он
Протягивает губки.

Я даром отдам
Всех лондонских дам
И критиков-сморчков,
Чтобы здесь на лугу
Валяться в стогу
И спугивать пестрых сверчков.

АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА

На рубеже двух столетий, восемнадцатого и девятнадцатого, английская литература переживала период необычайного подъема. Может быть, только в век Шекспира появилось столько блестящих талантов одновременно. Весь читающий мир повторял имена Скотта и Байрона; их творения жадно глотали, твердили наизусть, переводили, переиздавали, им подражали и следовали как высшим образцам совершенства. Они стали частью важнейшего литературного движения, которое в конце XVIII — начале XIX века распространилось почти во всех европейских странах.

Это движение получило название романтизма, от слова «романс», которым в средние века обозначали народные языки Европы в отличие от латыни. С течением времени так стали называть светские, не религиозные и не ученые, сочинения, писавшиеся на этих языках. Поскольку в них, как правило, изображались диковинные похождения рыцарей и дам, романс постепенно стал синонимом всего фантастического, сверхъестественного, необыкновенного. Когда в европейских литературах XVII—XVIII веков утвердился классицизм, а с ним — предпочтение разумного, ясного искусства и образа мыслей, термин «романс» и прилагательное «романтический» приобрели уничижительный смысл. Он был утрачен

только в последние десятилетия XVIII века, когда возникла неудовлетворенность рассудочной философией и литературой эпохи просвещения, недоверие к умозрительным, оптимистическим теориям исправления мира и человека, а соответственно — к нормам и предписаниям классицизма, одного из главных направлений просветительского искусства. Именно тогда стали интересоваться иррациональной областью чувств, всем необычным и таинственным.

Конец века отмечен всемирно-историческими потрясениями, возвестившими наступление новой капиталистической эры. Великие перевороты совершались в политике и экономике: война североамериканских штатов за независимость (1779—1783), французская буржуазная революция (1789—1794), в самой Англии — быстрая индустриализация, уничтожение патриархальной сельской жизни, разорение трудового крестьянского люда. В Ирландии обострилась национально-освободительная борьба против английского владычества; во всей Британии поднялось глухое брожение: изнуряла длительная, кровавая война с Францией, возмущали бесплодное угнетение простого народа, особенно фабричных рабочих, и повсеместное подавление свободной мысли. Эти события создавали ту атмосферу, в которой развивалось романтическое движение в литературе и искусстве.

В эпоху политической реакции, последовавшей за революционным взрывом, романтики критиковали просветителей за их чрезмерную веру в способность

людей познать и объяснить тайны Вселенной, в возможность перестроить мир на основе разума. Эта вера вдохновила революционеров Франции, которые, по мнению романтиков, в конечном счете добились только утверждения власти денег, а с нею — торгашества и жестокости. Ненавидя все это, романтики продолжали мечтать о провозглашенной просветителями победе всеобщего братства, равенства и свободы. Получалось так, что они разочаровались в идеях просветителей главным образом потому, что эти идеи не претворились в жизнь.

Романтики не одобряли материалистическую и механистическую философию просвещения, упрощенно объяснявшую природу и историю, но так же, как современные им философы, могли преодолеть эту упрощенность только на основе диалектики идеалистической. Время для материалистической диалектики еще не наступило — для этого слишком мало были развиты науки, как естественные, так и общественные.

Критическое восприятие прошлого и настоящего, литературно-философской мысли века нынешнего и минувшего, восстание против классицистической традиции и вместе с тем — подчинение ей определяют характер романтического движения, сходство и различие между его участниками.

Романтизм имел в Англии глубокие литературные корни. Оспаривая эстетику классицизма и его четко определенные требования к содержанию и фор-

ме произведения, романтики обращались к литературе более ранних времен. Они боготворили Шекспира, Мильтона, старых поэтов и увлекались народным творчеством, особенно балладами, английскими и шотландскими.

Многие баллады возникали еще в XIV—XV веках, другие — позже, в XVI и XVII. Они представляли собой короткие эпические песни, но в них присутствовали также лирическое, эмоциональное и драматическое начала (диалог).

Часто баллады посвящались народным героям, например, смелому стрелку Робину Гуду, легендарному заступнику за обездоленных; вместе со своей ватагой удальцов в зеленом Шервудском лесу он нападал на знатных господ, богатеев-толстосумов и церковников, помогая беднякам. В некоторых балладах речь идет не о самом Гуде, а о его приспешниках («Три лесных стрелка») и их отчаянной войне с отрядами блюстителя порядка и правосудия, шерифа.

Баллады воспевали любовь, страдания, измену, месть — и верность до гробовой доски («Мей Колвин», «Том Лин»).

Во многих балладах живо, с юмором отражен деревенский быт («Старый плащ») и нравы сельского духовенства («Буль-буль-буль...»), в других — долгая битва шотландцев за независимость от могущественной соседки Англии.

Интерес к народному творчеству возник еще во

второй половине XVIII века, когда стало ослабевать влияние классицизма в литературе. Начали собирать, записывать и издавать старинные баллады. Лучше всего они сохранились в Шотландии и Северной Англии, где развитие городской, буржуазной цивилизации еще не успело уничтожить народную поэзию.

Самым талантливым наследником песенной традиции Шотландии был крестьянский поэт Роберт Бёрнс (1750—1796), всю жизнь бившийся с горькой нуждой и учившийся на медные деньги: в школу они с братом ходили по очереди, на двоих не хватало одежды. Стихи Бёрнса рождались на поле, когда он шел за плугом или косил непокорную траву горных пастбищ. Часто стихи писались на мотивы народных песен и баллад, из которых иногда брались строки, а то и целые строфы («Любовь — как роза красная»).

Бёрнс обладал непревзойденным песенным и лирическим даром. И этот дар был посвящен родной стране, где все ему было дорого и мило: громады скалистых гор, мирные долины и скромные их обитатели — бедняк Метью («Эпитафия»), «Крестьянский парень» и его подруга («Пегги Монтгомери»).

Поэт умел не только любить, но и ненавидеть. Его первые враги — это враги Шотландии, те, кто заставляет простых шотландцев истекать кровью в бессмысленных сражениях («Логан Брас»). Героиня «Жалобы шотландской вдовы» сетует на бедность, ставшую ее уделом в старости, после того, как муж

ее погиб, защищая «шотландские права»¹. Вдова верит, что «Стюарт», внук изгнанного в 1688 году короля Иакова II, возглавил восстание 1745 года для блага народа, и Бёрнс дает читателю почувствовать наивность ее веры. Но бесспорно, что именно такая вера — и надежда завоевать свободу родины — побудила тысячи шотландцев встать под знамена претендента на престол Стюарта.

Ненавидел Бёрнс и таких врагов сельских тружеников, как ханжи-священники, из тех, что проповедовали воздержанность и смирение, а сами, вопреки собственной проповеди, безнаказанно богатели за чужой счет («Теленок»).

Идеалом Бёрнса была победа политической справедливости. Вот почему он воспел «Дерево Свободы», выросшее во Франции на развалинах крепости — тюрьмы Бастилии, и мечтал увидеть его могучие ветви на британских берегах:

Но верю я: настанет день, —

И он не за горами, —

Когда листвы волшебной сень

Раскинется над нами.

(«Дерево Свободы». Перевод С. Маршака)

---

¹ В течение нескольких столетий Шотландия вела почти непрерывную войну против Англии. В 1603 году шотландский король Иаков V Стюарт унаследовал английский престол после смерти Елизаветы I и царствовал под именем Иакова I. Шотландия сохраняла самоуправление лишь после неоднократных выступлений шотландцев на стороне свергнутой династии Стюартов, в 1707 году произошло окончательное слияние обоих государств.

Революционные идеи выражены здесь на языке старой баллады, от имени честных простолюдинов.

Горячим почитателем Бёрнса и народного творчества был Вальтер Скотт (1771—1832), автор прославленных исторических романов, живописавших прошлое шотландского, английского и других народов, для того чтобы понять и объяснить их настоящее. Свой творческий путь Скотт начал с записывания и издания песен и баллад Шотландии, и они оказали огромное влияние на его собственную поэзию.

Пылким патриотизмом дышит стихотворение «Торжество Брюса». Героический вождь и военачальник Роберт Брюс (1274—1329) одержал победу над английскими войсками в битве при Баннокберне (1314), добился независимости Шотландии и стал королем. Торжество его было, однако, недолгим. Война продолжалась, и Брюс пал в бою.

Вальтер Скотт понимал историческую необходимость и даже прогрессивность такого объединения, но с гордостью вспоминал о славных днях, когда его отечество было самостоятельным. Он описывает Брюса в момент краткой передышки между боями, по-видимому, до решающей победы. В изображении Скотта он суров к изменникам, милостив к простым воинам и энергичен в попытках объединить против общего врага борцов из самых далеких уголков Шотландии. Их всех осеняют крылья «Северного Орла» — символа восставшей страны.

Героика старой Шотландии живет и в стихотворении «Аллен Э-Дейл», рисующем знакомый нам и по романам Скотта образ отважного, объявленного вне закона стрелка, который, наподобие Робина Гуда, ведет за собой отряд смельчаков и свободен как ветер (см. романы «Айвенго», 1819; «Роб Рой», 1816).

Национальная тема звучит также в поэзии Томаса Мура (1779—1852), друга, биографа и издателя Байрона. Самый известный его лирический цикл «Ирландские мелодии» (с 1807 года) согрет любовью и жалостью к родине, стонущей под английским игом. Большая часть этих мелодий написана на мотивы народных песен. Многие из них оплакивают печальную судьбу Ирландии и героев жестоко подавленного Англией восстания 1798 года или призывают к священной войне за свободу («Перед битвой», «Как душа трепещет», «Мальчик-певец»). Еще более многочисленны стихи чисто лирические, то серьезные («Бежим за моря», «Молодая луна»), то шутливые («Предсказатель»).

«Ирландские мелодии» отличались напевностью, задушевностью, романтической взволнованностью. Но поэзии Мура недоставало глубины и силы, которая соответствовала бы трагическому общественному опыту его противоречивой эпохи. За это его критиковали современные ему поэты, тяжелее переживавшие гибель революционных надежд и наступление

всесторонней политической реакции. Среди них особенно велико значение Вильяма Вордсворта (1770—1850). Он с восторгом встретил французскую революцию, но потом горько разочаровался в политике решения общественных вопросов и перенес все свои упования на постепенное нравственное совершенствование людей. Особые надежды Вордсворт возлагал на поэзию, которая должна приобщить читателя к пониманию красоты Вселенной, к истине и добру. «Поэт, как утес, стоит на страже человечности; он неусыпный защитник и хранитель, он повсюду несет с собой единение и любовь», — писал Вордсворт в 1798 году.

Как и Скотт, он сознательно возрождает балладную традицию, усиливая лирическую интонацию и сосредотачивая внимание на обыденном, повседневном — в чем, по его убеждению, яснее проявляются движения души, для всех одинаково интересные и значительные. Стилем и размером баллады рассказывает Вордсворт о гибели крестьянской девочки Люси Грей — и надеется, что вызванное им волнение чувств смягчит самые черствые сердца. В заключительных строках читатель видит, как грустная быль почти сразу переходит в легенду, в сюжет народной песни:

Но до сих пор передают,
Что Люси Грей жива,
Что и теперь ее приют —
Лесные острова.

Вордсворт считал, что капиталистическая цивилизация губит тела и души, что единственные неиспорченные люди — это труженики земли, живущие в непрерывном общении с природой. Поэтому он обращается к пейзажной лирике («Написанное в марте») и поэтизации сельского труда. Его «Одинокая жница» — поющая и вяжущая снопы девушка — становится символом красоты и внутренней чистоты. О ней и других своих скромных героях Вордсворт пишет простым языком, свободным от поэтических красок. Это было тогда и ново, и смело. Новизной и смелостью отличались также философская лирика Вордсворта и его автобиографическая поэма «Прелюдия».

Увлеченный своей нравственной миссией, поэт часто опускается до откровенной назидательности, до неприкрытого поучения («Лопате друга»): измена революционным идеалам юности мстит за себя. Но до конца поэт хранит веру в народ, стремится просветить и возвысить его. Эта вера живет и в стихотворении «Французы и испанские партизаны», где Вордсворт горячо сочувствует народным бойцам против вторгшихся в Испанию полчищ Наполеона. Поэт возмущался реакционной внешней политикой Англии, которая подписала договор с французским императором и предала завоеванные им страны.

Растущая консервативность воззрений Вордсворта все более ограничивала его творческие возможности, и центральной фигурой английского роман-

тизма стал не он, а Джордж Гордон Байрон (1788—1824). В его поэзии отражены самые острые проблемы того времени, самые разнообразные мотивы, образы и темы. От стихов проникновенного, щемящего лиризма («Вечер прощальный», «Ты плачешь», «Не бродить мне ночью с нею») Байрон свободно переходит к веселым, задорным строфам, как в шутке «Чем ты там занят», или «Прощание с Мальтой», где в ироническом беспорядке нагромождены прелести острова Мальты.

Характерно, что о своем посещении Мальты, которая вызывает у Байрона преимущественно юмористические ассоциации, он не пишет в поэме «Паломничество Чайлда Гарольда» (1809—1818), описывающей в высоком риторическом стиле его путешествие в страны Южной Европы и Ближнего Востока. Впечатления от острова Мальта, видимо, казались Байрону недостаточно серьезными, чтобы приписать их своему угрюмому разочарованному герою. Чувства его прекрасно выражены в песне, где он прощается с родными берегами. Она близка безыскусственности старой баллады; образцом для нее послужила баллада Максвелла, опубликованная в сборнике Скотта.

Смелость «Чайлда Гарольда» и «восточных» поэм Байрона («Корсар», «Лара» и др.), а еще более — политические его стихи и речи, нападки на реакционное английское правительство, дерзкие эпиграммы на самых высоких лиц, защита угнетенных,

верность революционным идеалам привели к тому, что Байрону пришлось покинуть отечество и провести остаток дней в изгнании.

В Швейцарии Байрон написал известное стихотворение «Прометей». Образ гордого титана из героического мифа, прикованного Зевсом-громовержцем к скале Кавказа и обреченного на вечную пытку, символизирует нескгибаемый дух революционера-борца. Хотя по воле Зевса орел каждый день терзает сердце Прометея за то, что он похитил для людей божественный огонь, никакие муки не могут вырвать из его уст тайну, столь нужную царю богов.

Поработителей губя,
Встают на подвиг ум и честь...
И в этом споре мировом
Смерть обернется торжеством.

Почти одновременно написаны поэма «Шильонский узник» (см. перевод В. А. Жуковского) и «Сонет к Шильонскому замку», где еще в XVI веке за свою антимонархическую деятельность много лет томился женевский патриот Франсуа Боннивар.

Переехав в Италию, Байрон принял участие в национально-освободительном движении против австрийского владычества и в своей обычной манере, полуйронически-полусерьезно, написал об этом «Стансы». Грусть и насмешка, поэтическое и прозаическое

часто сочетаются в творчестве Байрона — в стихах (например, «Томасу Муру») и в главном произведении его зрелых лет — поэме «Дон Жуан».

Из Италии поэт отправился в Грецию, чтобы помочь борьбе греков против поработившей их Турции. В разгар своих самоотверженных трудов он заболел и умер. Последним его произведением традиция считает стихи «В день, когда мне исполнилось 36 лет». Память о славном прошлом Греции, о героических спартанских воинах вдохновляет поэта отдать жизнь во имя свободы.

Другом Байрона, делившим с ним изгнание в Швейцарии и Италии, был Перси Биши Шелли (1792—1822). В его поэзии прочно переплетены революционные и лирические мотивы. Он мечтает о времени, когда свободные люди найдут счастье в общественном служении, в дружбе и любви, в красоте искусства и природы. Утопическая картина блаженного будущего изображена в финале драмы «Освобожденный Прометей».

Пейзажная лирика Шелли («Вечер», «Лето и зима») необыкновенно поэтична; явления природы символически передают душевные переживания автора и воплощают его мысли о судьбах человечества. В стихотворении «К жаворонку» вольно любуясь песня птицы вызывает у поэта горячее желание так же щедро отдать людям свои песни и найти в их сердцах такую же благодарную любовь. Образы

поэта и жаворонка поставлены в сложное соотношение.

Чрезвычайно многообразна любовная лирика Шелли, то светлая и радостная, то трагическая («Строки»). Она поражает искренностью, чистотой, свежестью («Боюсь я близости с тобою»).

Особое место в творчестве Шелли занимает политическая поэзия. «Маскарад анархии» рисует мрачное шествие палачей трудовой Англии. 36 и 37 строфы поэмы («К Англичанам») зовут народ к сопротивлению силам торжествующей реакции. Последним посвящено также стихотворение «О двух политических деятелях 1819 года», — о министрах Англии, лордах Сидмуте и Каслрее, зловещие тени которых нависли над страной.

Как и Байрон, Шелли был истинным интернационалистом и откликался на все перипетии борьбы народов за независимость. Он сочувствовал бедственному положению Испании, которая в 1813 году была лишена завоеванной ею ранее конституции и снова подчинена абсолютной власти короля; поэт предсказывал близкую победу революции («Ода»).

Освобождение мира от тирании, политической и духовной, воодушевляло также замечательного, рано погибшего поэта Джона Китса (1795—1821). Нашим читателям Китс близок своими настойчивыми исканиями, напряженностью раздумий о смысле и назначении искусства («Поэт»). Мысли о судьбе поэта для Китса сливаются с мыслями о

судьбе человека в современном мире, о том, как он может стать полноценной, гармонической личностью.

В поэзии Китса воспета неиссякаемая щедрость природы, естественная человечность, радость жизни, которую поэт тщетно искал в действительности, ему современной. Веселостью дышат его шуточные стихи, написанные во время длительного пешеходного путешествия по Шотландии («Песня о себе самом», «Гэловейская песня», «Строки из письма»). В стихотворении «Робин Гуд» воскресает буйная вольница, некогда хозяйничавшая в Шервудском лесу: возлюбленная Гуда — Мариан, его верный друг великан Джон, прозванный Малюткой. Китс жалеет, что поэтичность прошлых времен отступила перед торгашеским духом времен новых. В мире буржуазной пошлости и прозы поэт ищет пристанища в прелести природы («Кто долго жил за городской стеной»).

Он убежден, что прекрасное живет в самом простом — в плодах земли, в несжатой полосе ржи, в звоне вечерних комаров. Живо ощущая красоту повседневности, поэт стремится открыть ее людям. Он как бы дарит им новое зрение, новый слух, новое духовное богатство. Это особенно удается Китсу в одном из последних его стихотворений, в оде «К осени». Огромную роль в истории английской поэзии сыграли и другие его оды и поэмы («Канун Святой Агнесы», «Гиперион»). Произведения Китса и его

современников и теперь обладают необычайной притягательной силой.

Для предлагаемого издания старинные баллады, стихи Бёрнса и романтиков XIX века выбраны и переведены поэтом и филологом-англистом Игнатием Ивановским.

Н. Дьяконова

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

ТРИ ЛЕСНЫХ СТРЕЛКА	5
КЭТРИН ДЖОНСТОН	12
ПРОДАННЫЙ ПАРЕНЬ	16
МОЛОДОЙ УОТЕРС	18
МЕЙ КОЛВИН	20
ВОДЫ КЛАЙДА	23
ТОМ ЛИН	28
ЭЛИСОН ГРОС	33
СТАРЫЙ ПЛАЩ	35
БУЛЬ-БУЛЬ-БУЛЬ.	37

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ТОРЖЕСТВО БРЮСА	41
АЛЛЕН Э-ДЕЙЛ	43
ПЕСНЯ по случаю водружения знамени перед большим футбольным матчем на Картерхоу	45
ПЕСНЯ (Клятва женщины)	47
СТРОКИ, обращенные к господину Александру, знамени- тому чревовещателю	48

РОБЕРТ БЕРНС

ЛОГАН БРАС	51
ЖАЛОБА ШОТЛАНДСКОЙ ВДОВЫ	52

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПАРЕНЬ	54
ЛЮБОВЬ — КАК РОЗА КРАСНАЯ	56
ПЕГГИ МОНТГОМЕРИ	57
«ГРУСТИТ ДУША МОЯ ТАЙКОМ...»	58
ЭПИТАФИЯ	59
ТЕЛЕНОК	61

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

ФРАНЦУЗЫ И ИСПАНСКИЕ ПАРТИЗАНЫ	65
«НАШ МИР, РАЗЛИЧЕН И ЕДИН...»	66
ОДИНОКАЯ ЖНИЦА	67
ЛОПАТЕ ДРУГА (Стихи, сочиненные, когда мы вместе трудились в его саду)	69
НАПИСАННОЕ В МАРТЕ	71
ЛЮСИ ГРЕЙ	72

ДЖОРДЖ БАЙРОН

ПРОМЕТЕЙ	77
СОНЕТ К ШИЛЬОНСКОМУ ЗАМКУ	80
СТАНСЫ	81
В ДЕНЬ, КОГДА МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ	82
ТЫ ПЛАЧЕШЬ	84
НЕ БРОДИТЬ МНЕ НОЧЬЮ С НЕЮ	85
«ВЕЧЕР ПРОЩАЛЬНЫЙ...»	86
ТОМАСУ МУРУ	88

ТОМАСУ МУРУ	89
ПРОЩАНИЕ С МАЛЬТОЙ	90
НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ НЬЮФАУНДЛЕНДСКОЙ СОБАКИ	93
ЭПИТАФИЯ Джозефа Блекета, покойного поэта и сапож- ника	94
ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛДА ГАРОЛЬДА (отрывок)	95

ТОМАС МУР

ПЕРЕД БИТВОЙ	101
КАК ДУША ТРЕПЕЩЕТ...	103
МАЛЬЧИК-ПЕВЕЦ	105
БЕЖИМ ЗА МОРЯ	106
МОЛОДАЯ ЛУНА	108
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ	109

ПЕРСИ ШЕЛЛИ

СВОБОДА	113
АНГЛИЧАНАМ	114
О ДВУХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ 1819 ГОДА	115
СТРОКИ	116
«БОЮСЬ Я БЛИЗОСТИ С ТОБОЮ...»	118
МУЗЫКА	119
ЛЕТО И ЗИМА	120
ВЕЧЕР	121
К ЖАВОРОНКУ	122

ДЖОН КИТС

РОБИН ГУД	129
К ОСЕНИ	132
ПЕСНЯ О СЕБЕ САМОМ	134
ГЭЛОВЕЙСКАЯ ПЕСНЯ	137
СТРОКИ ИЗ ПИСЬМА	139
АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА Н. Дьяконова	141

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Дерево Свободы

Сборник

Ответственный редактор Е. Д. Шнитникова. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор Т. С. Харитоновна. Корректоры К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова. Сдано в набор 28/X 1975 г. Подписано к печати 21/1 1976 г. Формат 70×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 5. Усл. печ. л. 7. Уч.-изд. л. 4,46. Тираж 75 000 экз. Заказ № 135. Цена 30 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

30 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Текст на обложке